РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИМВОЛИКА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ РЕКОНСТРУКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

До недавнего времени в историографии существовали самые общие сведения о государственной символике России, начиная с зарождения отечественной государственности. Этот феномен, возможно, объясняется прерывистым характером русской истории, не дающим возможности нарисовать реальную картину эволюции и использования носителями власти атрибутов этой власти, проанализировать их символику, определить степень традиционности, исконности и заимствований. Письменные источники отчасти по этой причине скупо освещают историю российской властной атрибутики. Недостаток достоверных данных, с одной стороны, обусловил отсутствие каких-либо серьезных сведений о возникновении государственных эмблем в трудах крупных историков (С. М. Соловьева, В. О. Ключевского), с другой — способствовал рождению различных мифов, субъективных трактовок непроверенных источниковедческих фактов. К последним относится, например, осторожное высказывание русского историка В. Н. Татищева о заимствовании великим князем Московским Иваном III Васильевичем государственного герба у Византии в результате его женитьбы на Зое (Софье) Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина XI Палеолога, в 1472 г. В XIX в. существовала также версия, что Софья Палеолог привезла в Россию и другой символ — Драконоборца. Прошло 200—250 лет со времени появления подобных версий. Исследователями последующих поколений, казалось бы, опровергнуты многие суждения, высказанные на заре становления исторической науки; к российским историкам присоединились и зарубежные исследователи. Однако «традиция» оказалась живучей; до сих пор в русской и зарубежной литературе бытует версия, что «Софья привезла в Россию герб Византии — двуглавого орла».

Непрофессиональные суждения высказываются и о советских государственных эмблемах, насчет происхождения которых в настоящее время существует много экзотических версий. Одна из наиболее «заманчивых» — масонский след, отраженный в эмблемах герба и флага СССР. О том, что этот факт не подтверждается ни исторически, ни источниковедчески, можно прочитать в немногочисленных, правда, трудах специалистов[1].

[1] *Корнаков П. К.* Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994; *Колоницкий Б. И.* Символы власти

В настоящее время, а точнее — в последнее 20-летие, в отечественной исторической науке происходят значительные изменения как в плане новаций относительно тематики исследований, так и в плане многофакторности методов осмысления явлений и процессов, многие из которых ранее не представляли общественного и научного интереса. В числе подобных проблем — символы власти в России на разных этапах ее истории.

Чисто фактографическая сторона изучения символов власти, кажущаяся такой важной, как правило, не выходила за рамки вспомогательных исторических дисциплин — геральдики, сфрагистики, вексиллологии и т. д. Однако на данном этапе развития мирового гуманитарного знания знаки власти как составная часть входят в самостоятельную дисциплину — потестарную имагологию. «У нее нет пока ясных дефиниций, ее границы со смежными дисциплинами не намечены, пределы ее возможностей не выявлены, характер методологических самоограничений не определен»[2], — пишет один из отечественных разработчиков теории потестарной имагологии М. А. Бойцов. Тем не менее, признавая отсутствие определенных постулатов, адепты потестарной имагологии вполне квалифицированно, на основании анализа опубликованных зарубежных и отечественных работ, определяют потестарную имагологию как дисциплину, ориентированную на изучение образов власти, способов и форм ее репрезентации во внешнем мире. Систему образов власти составляют не только визуальные знаки (гербы, флаги, знамена, ордена, печати и т. д.), но и другие символические знаковые категории — вербальные, поведенческие, обрядовые (ритуалы, праздники, церемонии, обычаи, девизы, жесты, возгласы, лозунги) — словом, все, что дает представление о государственной идеологии в действиях, отражающих сущность власти. Бойцов полагает, что «давно уже пора отказаться от априорной убежденности в том, что символическая сторона власти второстепенна, дополнительна, малозначима по сравнению с иными более “солидными”, а потому и более заслуживающими внимания историков ее основаниями, например институциональными»[3].

В рамках исследовательских компонентов «образности» власти одно из важных мест занимают инсигнии — национально-государственные символы. Они — «составная часть процесса формирования и воспроизводства политической общности любого народа и государства. С одной стороны, национально-государственная символика определяет лицо народа, подчеркивает его самобытность, сплачивает во времена тяжких общественных потрясений, с другой — используется

и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001; *Похлебкин В. В.* Из истории советской эмблематики // Вопросы истории. 1978. № 3; *Соболева Н. А.* Из истории советской политической символики // Отечественная история. 2006. № 2. Данная работа опубликована также: Russian Studies in History. Fall 2008. Vol. 47. № 2.

[2] *Бойцов М. А.* Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. СПб., 2010. С. 8—9.

[3] *Бойцов М. А.* В шкурах или в пурпуре? К облику варварских королей времен «падения» Римской империи // Искусство власти. СПб., 2007. С. 46.

правящей элитой для идентификации проводимого политического курса с общими национально-государственными интересами. Это позволяет власть имущим объединить граждан вокруг своей политики, мобилизовать их внимание, стимулировать действия, необходимые для достижения поставленных целей», — определяет роль инсигний в функционировании власти современный политолог О. А. Кажанов[4].

Возведение знаков суверенитета государства в ранг политических символов определило их социальную значимость и предопределило применительно к ним методы изучения социума, которые в настоящее время характерны для социологической науки, но все шире применяются и в исторических исследованиях. Речь идет не только об опросах респондентов, но и о следовании неким парадигмам. Одной из них является идея национальной идентичности, основополагающий момент которой — воссоздание картины исторического прошлого нации. Воссоздание этой картины во всей полноте — требование времени, находящее воплощение в отечественных исследованиях социологов, политологов, филологов, различных направлений исторической науки[5]. Значимость проблемы подчеркивается на страницах журнала «Отечественная история» (ныне «Российская история»): «Проблема реконструкции национальной идентичности становится актуальной в современном мире в силу процессов глобализации и интеграции, ведущих, с одной стороны, к размыванию идентичности и, с другой стороны, — к стремлению восстановить ее исторические основы»[6].

Знаки власти в контексте исследования проблемы идентичности заинтересовали многих европейских ученых, поставивших перед собой задачу показать, как страны, обретшие «широкую демократию» (*Massendemokratie*) в 1989—1991 гг., могут легитимизироваться через традицию. Немецкое научное общество (*Deutsche Forschungsgemeinschaft*) в Гуманитарном центре истории и культуры в Лейпциге с 2001 г. в рамках исследовательского проекта, касающегося истории и культуры Центральной и Восточной Европы, развития ее визуальных аспектов в процессе государственной и общественной модернизации с 1918 г., публикует статьи авторов из разных европейских стран по данной проблематике в ряде журналов, прежде всего в издании «Восточная Европа» («Osteuropa»). Один из его выпусков[7] посвящен символике как бывших стран народной демократии, так и новых суверенных государств. Авторы освещают широкий спектр носителей и средств визуальной репрезентации государства, подчеркивающих легитимацию государственной тра-

[4] *Кажанов О. А.* Национально-государственная символика современной России как средство политической коммуникации. Смоленск, 1995. С. 3.

[5] Новые тенденции особенно заметны в современной этнологии, где ставятся и решаются проблемы России «как состоявшегося государства-нации» и проблемы россиян как гражданской нации. См. об этом: *Тишков В. А.* Российский народ. М., 2010.

[6] Отечественная история. 2008. № 6. С. 158.

[7] Osteuropa, 53. Jg., 7/2003.

диции. Выделяются молодые нации со слабой и плохо развитой национальной идентичностью, а также государства, имеющие многовековую историю, но акцентирующие внимание на новых процессах идентификации, модифицирующих политическую символику.

В указанном издании помещено исследование и о государственной символике Российской Федерации — России. Пол Колстё (Pål Kolstø) в очерке «Российская Федерация: постмодернистский компромисс Путина»[8] утверждает, что не только в новых, но и в реструктурированных государствах может возникнуть глубокий кризис в отношении политических символов. В качестве примера он указывает на Российскую Федерацию, которая может служить образцом выхода из тупиковой ситуации, касающейся государственной символики. По его мнению, В. В. Путин осуществил постмодернистский компромисс, примирив политических противников, объединив инновацию и традицию. В 2000 г. он соединил те символы, что предпочитали ориентированные на Запад демократы, с одной стороны, и монархисты, которым покровительствовали националисты-славянофилы, — с другой (герб — двуглавый орел, флаг — трехполосный бело-сине-красный), с некоторыми знаками из советского времени, от которых не хотели отказаться коммунисты (музыка гимна).

Подобным же образом осмысляется «новая» — «старая» российская символика еще одной западной исследовательницей — И. де Кегель (она — автор двух книг, посвященных истории флага, герба и гимна России с эпохи средних веков до современности)[9]. Предысторию современной российской государственной символики автор излагает в основном на материале популярных работ, научные труды по данной тематике ею практически не привлекаются. Главной ее задачей было показать, что для символики ельцинского времени был характерен сильно выраженный антикоммунизм, который не смог служить идентификационной основой «для широкого населения». В отличие от этого путинская политика была направлена на то, чтобы создать синтез дореволюционной и советской символики.

Работа П. Колстё и книги де Кегель, хоть и различаются по качеству и объему, в целом похожи. Это бесстрастное изложение сообщений Интернета, официальных документов «организующего» характера (постановлений, подзаконных актов, опросов случайных людей — постфактум). В них не использованы архивные данные, свидетельства очевидцев трагедии становления сегодняшних государственных символов, которая длилась почти 10 лет и оказала отрицательное воздействие на наше общество.

Вопрос о символах новой демократической России при всей кажущейся простоте — возвращение к старине, к традициям — остается сложным, даже, можно сказать, не совсем понятным. Он «завязан» на российской событийности

---

[8] Osteuropa, 53, Jg.7/2003. S. 1009—1014.

[9] *Keghel I. de*. Die Staatssymbolik des neuen Russland im Wandel. Vom antisowjetischen Impetus zur russländisch — sowjetischen Mischidentität. Bremen, 2003; Die Staatssymbolik des neuen Russland. Traditionen-Integrationsstrategien-Indentitätsdiskurse. Hamburg, 2008.

1990-х гг. и «нулевых» годов века нынешнего, на личностях, возглавлявших Российское государство в это время, на их «командах», последователях, преемниках и противниках[10].

Особое внимание общества уделялось двуглавому орлу. Как только не называли его в прессе: «цыпленок табака», «чернобыльский мутант». Даже среди специалистов не было единства взглядов на данную эмблему. Одни видели в двуглавом орле «птичку с опущенными крыльями», тогда как другие считали ее «великолепной», «свободной, гордой и мощной птицей». Идея исторической преемственности, патриотизма, восхищения деяниями предков нашла отражение в новой (по сравнению с орлом Временного правительства, лишенным монархических атрибутов) форме двуглавого орла, которому «вручили» в лапы скипетр и державу, голову увенчали тремя коронами, а на грудь поместили Драконоборца.

Однако эта форма герба вызывала недоуменные вопросы: «зачем орлу три короны, что они означают?», «почему у орла две головы?», «почему в республиканском гербе присутствуют символы монархической власти — скипетр и держава?» и т. д. К сожалению, ответы должностных лиц, дававших интервью, были не слишком вразумительны: например, три короны «символизируют единство трех властей — судебной, законодательной и исполнительной»; о двух головах орла можно было прочитать, что орел одновременно смотрит в Европу и Азию, а скипетр и держава символизируют просто власть. Однако какие бы фантастические ответы на вопросы граждан относительно новых символов Отечества, пришедших на замену «прозрачным» серпу, перекрещенному с молотом, ни придумывали чиновники, только ученые могли объяснить историю «новых» — «старых» эмблем, растолковать их символику. Развитие вспомогательных исторических дисциплин, в частности — геральдики, сфрагистики и нумизматики, отмеченное еще в начале XX в., позволило внести коррективы в историю происхождения эмблем, «принятых на вооружение» Б. Н. Ельциным и В. В. Путиным.

Прежде всего это касается гербовых эмблем — двуглавого орла и Драконоборца. Обе эти эмблемы объединены (лицевая и оборотная стороны) на печати 1497 г., принадлежавшей великому князю Московскому Ивану III Васильевичу. Печать, а вместе с нею и эмблемы, вошедшие позднее в герб Российской империи, неоднократно в последние годы становились объектом изучения, прежде всего автора данной статьи[11].

[10] На эту тему по предложению редакции журнала «Historical Yearbook» («NicolaeIorga» History Institute — Romanian Academy) мною написана статья «Символика России 90-х гг. XX — начала XXI в. в государственной политике и общественном дискурсе».

[11] *Соболева Н. А.* Символы русской государственности // Вопросы истории. 1979. № 6. С. 47—59; *Она же.* Происхождение печати 1497 г.: новые подходы к исследованию // Отечественная история. 2000. № 4. С. 25—43; *Она же.* Печать 1497 г. — историко-художественный памятник Московской Руси // Труды Института российской истории РАН. 1999—2000. Вып. 3. М., 2002; *Она же.* Об авторе первой русской государственной печати // Культурное наследие Российского государства. Вып. V. Ч. I. СПб., 2010. С. 150—160, и др.

Фигура лицевой стороны печати трактуется нами как изображение Георгия Победоносца, воплощенного в образе светского воина эпохи Возрождения, что является свидетельством участия в изготовлении печати итальянских мастеров, приглашенных Иваном III в Москву в последней четверти XV в. для работы. Лик святого Георгия в качестве символа русской государственности утвердился на Руси еще в XI в., ибо изображался на первых русских монетах — сребрениках Ярослава Мудрого, который считался согласно прологам «всея Рускыя земли князем»[12].

Исследование изображения оборотной стороны печати великого князя Московского Ивана III — двуглавого орла — связано с рассмотрением нескольких аспектов, из которых можно выделить наиболее спорные: являлся ли двуглавый орел гербом Византии; из Византии ли Московия заимствовала эмблему двуглавого орла, поместив его на государственной печати, а затем сделав основной фигурой герба; какова история возникновения двуглавого монстра, его семантика и функции.

Российский ученый Н. П. Кондаков еще в начале XX в. заметил, что «двуглавый орел имеет свою иконографию религиозного происхождения, идущую из глубокой древности переднеазиатских государств»[13].

Другой российский исследователь, знаток сфрагистики Византии и Руси Н. П. Лихачев, исключал заимствование великим князем Московским государственной печати, а вместе с нею и двуглавого орла из Византии. Он считал, что «московское правительство не могло заимствовать непосредственно из Византии того, что та не имела»[14]. Такой печати в Византийской империи действительно не существовало. Основную причину появления печати с двуглавым орлом в Московии Лихачев видел в установлении контактов Ивана III с императорами Священной Римской империи, которые к тому времени обладали подобной печатью. Великий князь Московский «хотел во всем равняться — в титулах, и в формулах грамот, и во внешности булл — цесарю и королю римскому»[15].

Через несколько лет аналогичная мысль была высказана американским ученым Г. Алефом, который включил вопрос о появлении на Руси двуглавого орла в контекст своего труда, посвященного происхождению московского самодержавия[16]. Печать 1497 г. в его интерпретации явилась существенным компонентом

[12] См. об этом: *Соболева Н. А.* Образ св. Георгия в атрибутике Российского государства // Проблема святых и святости в истории России: Материалы XX Международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». М., 2006. С. 183—199.

[13] *Кондаков Н. П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 116.

[14] *Лихачев Н. П.* Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М., 1911. С. 43.

[15] *Лихачев Н. П.* История образования российской государственной печати // Биржевые ведомости. 15 мая 1915 г.

[16] *Alef G.* The Origins of Muscovite Autocracy the Age of Ivan III // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 39. Berlin, 1986.

общей схемы претензий Ивана III на титул императора. По его мнению, ни женитьба на Софье Палеолог (1472), ни осторожные попытки принять императорский титул не вызвали использования в качестве государственного атрибута двуглавого орла. Только в результате контактов с правителями из дома Габсбургов (конец 1480-х — начало 1490-х гг.), которые посылали ему грамоты, скрепленные императорской печатью, Иван III принял аналогичный императорский знак в качестве своей отличительной эмблемы.

Имеются многочисленные свидетельства о стремлении Ивана III поставить себя на один уровень с первым монархом Европы — императором Священной Римской империи. Алеф выстраивает убедительную систему доказательств борьбы Ивана III за признание его императором как внутри страны, так и за ее пределами, причем эти действия начались еще до женитьбы на византийской принцессе. Сама женитьба, таким образом, вплетается в контекст притязаний на императорский титул, не являясь отправной точкой. В этот период складывается и концепция власти великого князя Московского. Русские послы должны были постоянно подчеркивать равенство по рождению Ивана III с императором Священной Римской империи: «И цесарь и сын его Максимиан государева великие, а наш государь великий ж государь»[17].

Императорским знаком первого европейского монарха являлся двуглавый орел. Мог ли уступить ему в этом «равный с ним по рождению» великий князь Московский?! В результате на государственной печати Ивана III возникла аналогичная эмблема — своеобразный «герб претензий».

Неизменный интерес вызывает не только появление российского герба в виде двуглавого орла, но и сама история этой эмблемы. Ряд европейских ученых начиная с середины XX в. (А. В. Соловьев, Дж. Герола, Э. Корнеманн, основывающийся на трудах крупнейшего исследователя византийских документов Ф. Дэльгера, категорически отрицавшего роль Византии как посредника между Западом и Востоком в передаче в Европу двуглавого орла, М. Хеллманн, П. Е. Шрамм, Г. Штёкль и многие другие[18]) тщательно анализировали истоки ее появления, семантику, функции. В результате сложилась следующая схема существования данной эмблемы в контексте мировой истории. Появление и использование двуглавой «расплющенной» птицы характерно для культур ранних обществ, о чем свидетельствуют изображения двуглавых птиц (не только орла, но и уток, петухов — в культурах сибирских народов) в разных регионах мира (двуглавые хищные птицы известны у древних народов Центральной Америки).

Изображение в клювах орла солнечных дисков свидетельствует об отнесении двуглавого (как и одноглавого) орла к солнечному культу. Этим объясняется

[17] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. С. 18.

[18] Обзор этих работ см.: *Соболева Н. А.* Печать 1497 г. — историко-художественный памятник Московской Руси. С. 34—38, 50.

утверждение данной фигуры прежде всего в странах, связанных с древнейшими цивилизациями, как традиционного элемента их культуры, переданного народам иных культур и сопредельных территорий. Переход от сакральности к декоративности подобных изображений отмечают многие исследователи. Однако представления о соотношении орла с вершиной мирового дерева, с «высшим началом», по-видимому, выводят его из чисто декоративных рамок, делая своеобразным властным атрибутом: одноглавый римский орел может восприниматься как символ империи, когда увенчивает скипетр Карла Великого; двуглавый орел как властный символ изображался на месопотамских печатях, на монетах мусульманских правителей XII—XIII вв. В Византии двуглавый орел известен с эпохи Комнинов прежде всего в виде рисунка на тканях, воспринимавшегося как элемент восточного орнамента. А. В. Соловьев[19] особо подчеркивал, что эта двуглавая птица не несет геральдического смысла. Однако он допускал, что Палеологи, которым удалось объединить всю Морею, ставшую накануне падения Византии ее оплотом, продлившим на какое-то время существование государства, действительно использовали в качестве герба двуглавого орла. Этот факт, по мнению исследователя, и служит отправным пунктом мифа о гербе Византийской империи в виде двуглавого орла, объясняет превращение его в некий символ национальной греческой идеи, ее бессмертия и надежды на возрождение.

Со времени широкого распространения в Западной Европе гербов (XIII—XIV вв.), в Балканских странах и Византии двуглавый орел известен как «неофициальная эмблема». Он помещается на мелких болгарских и византийских монетах; в 1970 г. найдена болгарская бронзовая матрица печати с двуглавым орлом, двуглавый орел украшает надгробие болгарского царя Ивана Александра и капитель из дворца Великого Тырнова и т. д.[20] Известен он и на Руси: на мелких монетах князей Тверского и Московских, как декоративный элемент дверей Рождественского собора XIII в. в Суздале. Двуглавого орла встречаем также на монетах Артукидов (XIII в.), на мелких золотоордынских монетах (XIV в.), на мелких же серебряных западноевропейских монетах (XIII—XIV вв.) и т. д.

Установление турецкого владычества на Балканах сделало двуглавого орла своеобразным символом борьбы, придав эмблеме значение хоть и неофициально-геральдического, но объединительного знака (в Болгарии, Сербии, Румынии, Албании). В эпоху Возрождения создается миф о двуглавом орле как гербе Византийской империи (система гербов в Западной Европе к этому времени утвердилась, и создать этот миф как противовес турецким притязаниям обстоятельства позволяли).

---

[19] *Solovjev A. V.* Les emblemes héraldiques de Byzance et les Slaves // Seminarium Kondakovianum. VII. Praha, 1935. P. 132.

[20] *Миятев Кр.* Една надгробна скулптура от двореца в Търнове // Сборник в чест на Г. Кацаров. Т. П., 1955. С. 345 и далее; *Попов А.* Царски монограми и хералдически изображения от Търновград (XIII—XIV век) // България 1300. Институции и държавна традиция. Т. П., 1982. С. 334—351.

Развитие герботворчества в Западной Европе способствовало упрочению и узаконению государственных гербов во многих странах. Как предполагают исследователи, личным знаком императора Священной Римской империи Фридриха I с XII в. становится одноглавый орел, в XIII в. источники упоминают о гербе империи — также одноглавом орле. Вместе с тем уже в XIII—XIV вв. как гербовая фигура в дворянских и городских гербах получает широкое распространение двуглавый орел, который в начале XV в. известен как герб императора Священной Римской империи, а в начале XVI в. он становится гербом этого государства[21]. Черный двуглавый орел в конце XV в. как лично-государственная эмблема привлек внимание великого князя Московского Ивана III.

Более полную и фундированную картину феномена космической эмблемы, каковой является двуглавый орел, можно воссоздать, исследуя ее семантику и функции в территориальных (от Северного Китая, Индии, Ирана, Ирака, Турции, Южной Сибири, Закавказья до Балкан и Западной Европы) и хронологических (от III тыс. до н. э. до XX в. н. э.) параметрах, что и предстоит еще сделать.

Не менее важным в контексте воссоздания исторических основ Руси является вопрос об инсигниях «первого ряда» — короне, скипетре, державе, других предметах, используемых при венчании на царство и в иных придворных церемониях. Данной теме посвящена наша большая статья, только что опубликованная в книге «Российская империя от истоков до начала XIX века»[22]. В ней приводятся данные, ранее неизвестные или не принимавшиеся во внимание исследователями. Они свидетельствуют, что факт значительного влияния Византии на русскую политическую идеологию и те внешние формы, в которых она воплощалась, не следует абсолютизировать. В частности, источники не позволяют воспроизвести картину коронации (возведения на престол) князей Древней Руси, подобную другим регионам византийского культурного круга. Ф. Кэмпфер, исследователь изображений правителей этих стран, отмечает, что «русское изображение властителя характеризуется отсутствием изображений коронации и инвеституры»[23]; другие считают, что ни коронование, ни помазание на царство не являлись составной частью церемониала вступления на престол русских князей[24].

Замечательный знаток русского и византийского искусства Н. П. Кондаков в одной из своих работ замечал: «Обзор сведений о том, как князья возводились на княжение, показывает с достаточной убедительностью, что особо вручаемых знаков власти при возведении на великокняжеский престол или вовсе не было,

---

[21] *Hye F.-H.* Der Doppeladler Als Symbol für Kaiser und Reich // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Bd. 81. H. 1. Wien; Graz, 1973.

[22] *Соболева Н. А.* Имперская идея и российская символика власти (XI—XVI вв.) // Российская империя от истоков до начала XXI века. М., 2011. С. 552—656.

[23] *Kämpfer F.* Das Russische Herrscherbild von den Anfängen bis zu Peter dem Grossen. Recklinghausen, 1978. S. 58.

[24] Lexikon des Mittelalters. München; Stuttgart. Bd. 9. S. 574.

и церемония ограничивалась церковною службою, благословением, многолетием, посажением на стол в церкви и всенародным объявлением, или же эти знаки придумывались на каждый раз, смотря по тому, что было под рукой…»[25]. «Посажение на стол» могло осуществляться и в княжеском доме: имеется сообщение конца XI в., что претендент на киевский престол встречен был у ворот города епископом со святым крестом, «по обычаю» отведен в церковь, потом в великокняжеский дом, приняв «престол отца и деда своего с миром»[26]. О короне — главном символе власти правителя — ничего не говорится. Кэмпфер полагает, что великие князья Киевские, а позднее Владимиро-Суздальские ввиду отсутствия короны использовали как высший знак власти княжеские шапки[27].

Хотя титул «царь» в Древней Руси широко известен по письменным источникам (его применяют чуть ли не для любого главы княжества), он отсутствует в легендах монет и печатей (в отличие, например, от Болгарии). При изображении правителей отсутствуют скипетр и держава, а также характерная для многих соседей Руси тронная печать (*Majestatssiegel*) с изображением сидящего на троне короля или императора со скипетром и державой в руках.

Русская специфика применительно к символам власти, по-видимому, является следствием своеобразной доктрины власти: занимать княжеские столы на Руси могли только представители княжеского дома Рюриковичей (все они «одного деда внуки»). Способы же «усвоения» княжеской власти — «старшинство» и «отчина» — исключали (по крайней мере, на ранних этапах государственности) какие-либо церемонии в оформлении принятия этой власти, кроме известного по летописи: «сел на столе», «занял стол отца своего» и т. п. «На столе посадити» означало «дать власть». Самодостаточность подобного «посажения» исключала для русских князей «поставление на власть» со стороны патриарха или императора Священной Римской империи. Даже великий князь Московский Иван III Васильевич, создатель единого Русского государства, с его прагматизмом, умом, стремлением возвысить свою державу и войти в «европейскую семью» после освобождения от иноземного ига, не смог преступить законы своего рода. На предложение о коронации, которую якобы мог совершить только «царь римский» (император Священной Римской империи), он передал послу императора Фридриха III: «А что еси нам говорил о королевстве, если нам любо от Цесаря хотети кралем поставлену быти на своей земле, и мы Божиею милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы,

---

[25] *Кондаков Н. П., Толстой И. И.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. СПб., 1897. С. 41—42.

[26] *Успенский Г.* Опыт повествования о древностях русских. Харьков, 1818. С. 221. Ряд авторов описывают вступление на княжество русских князей как «посажение на стол» (см. *Пятницкий П. П.* Сказание о венчании на царство русских царей и императоров. М., 1896. С. 2—4, и др.).

[27] *Kämpfer F.* Das Russische Herrscherbild. S. 58.

а просим Бога, чтобы нам дал Бог и нашим дегем и до века в том быти, как есмя ныне Государи на своей земле, а постановления, как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим»[28].

В качестве доказательства своей самостоятельности и самобытности Иван III в 1498 г. венчал на великое княжение Дмитрия-внука, которое в историографии обозначается как «венчание по византийскому обряду». В источниках отмечается, что на внука Иван III возложил «бармы и золотую шапку», названную вскоре Мономаховой. Как писал А. А. Спицин, один из исследователей этой золотой шапки: «Иван III не удовольствовался церковным венчанием: он вне церкви обратился в торжественной речи к братаничам князьям Федору и Ивану Борисовичам с объявлением о правах на великое княжение Дмитрия, а часть обряда отнес на пир, на котором передал Дмитрию крест на золотой цепи, пояс и "крабийцу сердоликовую Августа Кесаря". Так интересно церковный обряд венчания, примененный впервые, переплелся с обрядом гражданского благословения и посажения на стол»[29].

Возникает вопрос: существовали ли все эти вещи в качестве инсигний? Из комплекса духовных грамот (завещаний)[30] известно, что Иван Калита (XIV в.) начал собирать сокровища «со смыслом» для передачи их наследникам: пластины золотой шапки, относящиеся к произведениям византийского искусства, он купил у купцов Каффы (затем они переделывались на манер старинной княжеской шапки, увенчивались крестом), тогда же была куплена и крабийца (чаша), «из которой пивал Август Кесарь»; бармы — медальоны, может быть, византийские, но они не относились там к инсигниям; богатый пояс — часть княжеской одежды (аналогию поясам составляют сербские пояса, обязательный предмет одежды правителя), цепь с крестом («иконой»), как следует из завещаний не только великих, но и удельных князей и княгинь, — обязательный предмет благословления на Руси.

Все эти вещи представляются вынутыми из великокняжеской казны (сокровищницы) как составная часть княжеского имущества. Прежние исследователи недаром их называли предметами княжеского быта, княжеского убора, а отнюдь не инсигниями, которые, согласно легенде, введенной в научный оборот В. Н. Татищевым, византийский император Алексей Комнин послал Владимиру Мономаху.

Это были: «корона, скипетр, держава и сосуд помазания»[31]. Впоследствии у других авторов «дары» многократно варьировались. В XVI в. к некоторым из упомянутых «предметов княжеского быта» добавляются скипетр, держава, а также корона. Эти вещи Иван IV перекупал у иностранных купцов или заказывал иностранным мастерам, но использовались они при коронации его наследников. При Петре I к прежним «царским» атрибутам власти добавились: императорская мантия, меч,

[28] Памятники дипломатических сношений. С. 12.

[29] *Спицин А. А.* К вопросу о Мономаховой шапке // Записки Отделения русской и славянской археологии. Т. VIII. Вып. I. СПб., 1906. С. 1—21.

[30] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.

[31] *Татищев. В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. Т. I. М.; Л., 1962. С. 365.

государственная печать с вырезанным на ней гербом и титулом, государственное знамя, государственный щит, золотая цепь ордена Андрея Первозванного.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что использование на Руси византийских инсигний (или их копий) проблематично. В наиболее полном современном описании византийских инсигний в разделе «Заимствование византийских императорских инсигний правителями других государств» к последним относятся Болгария, которая «переняла» у Византии государственную символику исключительно «системно», и в меньшей степени Сербия, а также Румыния[32].

Относительно Руси можно привести высказывание известнейшего византиниста А. Грабара. Он отметил, что, поскольку императорские знаки власти начали формироваться здесь лишь в XVI в., т. е. спустя определенное время после падения Византии, «непосредственного и признанного образца власти» для русских правителей, формирование инсигний в XVI в. было достаточно неоднородным и их комплекс «включал и объединял древнерусские, византийские, восточные и латинские составные части»[33]. Под латинскими «составными частями» Грабар понимает заимствования некоторых знаков власти у германских императоров, польских и других европейских королей. Имеется в виду не только герб, но и печати Ивана III (1497), Ивана IV Грозного (1577). Следует заметить, однако, что хоть эти печати по виду и значимости сугубо западноевропейские, они несут присущие многим русским памятникам черты «святости».

На печати 1497 г. изображен Георгий Драконоборец (в образе святого эпохи Возрождения, как создал его итальянский мастер), а на печати Ивана Грозного 1577 г. среди «гербов» на лицевой и оборотной сторонах помещен голгофский крест, который сопровождают надписи: «Древо дарует древнее достояние» (здесь, по-видимому, «древнее достояние» — жизнь райская) и «Христова хоругвь (вероятно, крест Христов. — *Н. С.*) — христианом похвала».

Подобные действия российских правителей некоторые исследователи нашей истории назовут «прагматизмом», однако скорее можно говорить о специфической самодостаточности Руси, о которой еще во времена Ярослава Мудрого (XI в.) заявил в «Слове о Законе и Благодати» митрополит Иларион, в понимании которого «русы» занимали собственное место «въ всехъ языцехъ»[34]. Иларион нашел бы поддержку в современном аналитическом труде британских историков С. Франклина и Д. Шепарда, которые полагают, что «русы существенно отличались от византийцев в ощущении исторических корней, а следовательно, в культурном самосознании. В отличие от константинопольской элиты русы не возводили себя к Римской империи. Для них мир дохристианского Рима, эллинистической культуры

[32] Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Bd. 3. Stuttgart, 1978. S. 487—494.

[33] *Grabar A.* Zur Geschichte von Sphaira, Globus und Reichsapfel // Historische Zeitschrift. Bd. 191. München, 1960.

[34] *Иларион*. Слово о Законе и Благодати. М., 1994. См. также: *Сахаров А. Н.* Древняя Русь на путях к «Третьему Риму». М., 2006. С. 38, 42—46, 78—79.

был чужд и далек, не имел символического значения, а потому и не занимал особого места на шкале ценностей. *Их интересовала вера, а не символы и не фетиши имперской преемственности* (курсив мой. — *Н. С.*). У них хватало забот и с тем, чтобы в новой обстановке осознать и заново оценить свое языческое прошлое, а также противостоять все еще живой и враждебной языческой культуре»[35].

По-видимому, следует признать, что Древняя Русь, особенно Киев, куда киевские князья, прежде всего Ярослав Мудрый, стремились «перенести дух Константинополя», не восприняла византийские государственные идеи настолько, чтобы отказаться от собственных взглядов на власть и ее атрибуты, что показали и последующие столетия российской истории.

Литература

Бойцов М. А. В шкурах или в пурпуре? К облику варварских королей времен «падения» Римской империи // Искусство власти. СПб., 2007.

Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. СПб., 2010.

Иларион. Слово о Законе и Благодати. М., 1994.

Кажанов О. А. Национально-государственная символика современной России как средство политической коммуникации. Смоленск, 1995.

Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001.

Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929.

Корнаков П. К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.

Лихачев Н. П. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М., 1911.

Лихачев Н. П. История образования российской государственной печати // Биржевые ведомости. 15 мая 1915 г.

Похлебкин В. В. Из истории советской эмблематики // Вопросы истории. 1978. № 3.

Пятницкий П. П. Сказание о венчании на царство русских царей и императоров. М., 1896.

Сахаров А. Н. Древняя Русь на путях к «Третьему Риму». М., 2006.

Соболева Н. А. Символы русской государственности // Вопросы истории. 1979. № 6.

Соболева Н. А. Происхождение печати 1497 г.: новые подходы к исследованию // Отечественная история. 2000. № 4.

Соболева Н. А. Печать 1497 г. — историко-художественный памятник Московской Руси // Труды Института российской истории РАН. 1999—2000. Вып. 3. М., 2002.

Соболева Н. А. Образ св. Георгия в атрибутике Российского государства // Проблема святых и святости в истории России: Материалы XX Международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». М., 2006.

[35] *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. СПб., 2009. С. 380.

Соболева Н. А. Из истории советской политической символики // Отечественная история. 2006. № 2, а также: Russian Studies in History. Fall 2008. Vol 47. № 2.

Соболева Н. А. Об авторе первой русской государственной печати // Культурное наследие Российского государства. Вып. V. Ч. I. СПб., 2010.

Соболева Н. А. Имперская идея и российская символика власти (XI—XVI вв.) // Российская империя от истоков до начала XIX века. М., 2011.

Спицин А. А. К вопросу о Мономаховой шапке // Записки Отделения русской и славянской археологии. Т. VIII. Вып. I. СПб., 1906.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. I. М.; Л., 1962.

Тишков В. А. Российский народ. М., 2010.

Успенский Гавриил. Опыт повествования о древностях русских. Харьков, 1818.

Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. СПб., 2009.

Миятев Кр. Една надгробна скулптура от двореца в Търнове // Сборник в чест на Г. Кадаров. Т. П., 1955.

Попов А. Царски монограми и хералдически изображения от Търновград (XIII—XIV век) // България 1300. Институции и държавна традиция. Т. П., 1982.

Alef G. The Origins of Muscovite Autocracy the Age of Ivan III // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1986.

Die Staatssymbolik des neuen Russland. Traditionen-Integrationsstrategien-Identitätsdiskurse. Hamburg, 2008.

Grabar A. Zur Geschichte von Sphaira, Globus und Reichsapfel // Historische Zeitschrift. München, 1960.

Hye F.-H. Der Doppeladler als Symbol für Kaiser und Reich // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. H. 1. Wien; Graz, 1973.

Kämpfer F. Das Russische Herrscherbild von den Anfängen bis zu Peter dem Grossen. Recklinghausen, 1978.

Keghel L. de. Die Staatssymbolik des neuen Russland im Wandel. Vom antisowjetischen Impetus zur russländisch — sowjetischen Mischidentität. Bremen, 2003.

Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Stuttgart, 1978.

Solovjev A. V. Les emblemes heraldiques de Byzance et les Slaves // Seminarium Kondakovianum. VII. Praha, 1935.